

УДК 3; 378.2

Образ научного сообщества: эволюция методологических репрезентаций**Бурганова Л.А.**

Доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета

Мягков Г.П.

Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье анализируются основные вехи эволюции объяснительных моделей научного сообщества в интеллектуальном пространстве модерна и постмодерна. Выявляется специфика трех основных методологических репрезентаций образа научного сообщества: классической (позитивизм), неклассической (постпозитивизм) и постнеклассической (структурализм, постструктурализм). Обосновывается, что в рамках позитивистского анализа делался акцент на системно-структурных характеристиках научного сообщества, внутриинституциональных и социальных условиях, обеспечивающих производство достоверного научного знания. Постпозитивистская социология и философия науки сосредоточились на анализе коммуникативной специфики сообщества, выражения его развития как революционного процесса смены парадигм. Постнеклассический образ научного сообщества отражает такие его свойства, как ангажированность, трансформированность в субъективную и символическую реальность, способность конструировать реальность.

Ключевые слова: научное сообщество, образ научного сообщества, философия и социология науки, этос науки, позитивизм, постпозитивизм, структурализм, постструктурализм, «незримый колледж», «явное» и «неявное» знание, «личностное знание», парадигма, дисциплинарная матрица, коммуникативные системы, научное сообщество как социальный конструкт, научный капитал, поле науки, Р. Мертон, М. Полани, Т. Кун, Ю. Хабермас, П. Бергер, Т. Лукман, М. Фуко, Л. Пэнто, У. Бек, П. Бурдьё.

Наука на протяжении многих веков была важнейшим социальным институтом, определявшим развитие общества, а научное сообщество имело статус высшего авторитета, вырабатывавшим модели рационального объяснения картины мира, предлагавшим теории его изменения и дальнейшего развития. В каждую историческую эпоху, в конкретных условиях существования науки по-своему интерпретировались способы организации научного знания, формы взаи-

модействия ученых, выдвигался определенный социальный заказ на образ научного сообщества¹. Задача данной статьи – проследить основные вехи эволюции объяснительных моделей научного сообщества в интеллектуальном пространстве модерна и постмодерна.

Научное сообщество – одно из понятий, которое укоренилось в дискурсе различных дисциплин, из-

¹ Об опыте реконструкции образов науки и их репрезентации в современных исследованиях см.: [1; 2; 3; 4; 5; 6].

учающих науку и ее историю. Особенно большой вклад в его изучение внесли философия и социология науки, призванные определять закономерности, которые определяют жизнедеятельность научного сообщества и обеспечивают сертификацию знания. Можно выделить три основных методологических подхода в философско-социологическом исследовании научного сообщества: классический (позитивизм), неклассический (постпозитивизм) и постнеклассический (структурализм, постструктурализм), каждый из которых фокусировался на определенной стороне данного феномена.

Основы позитивистского подхода заложены в понимании научного сообщества как объективной данности научного процесса, как особой формы его организации. Это реальность особого рода, представляющая собой исследовательский коллектив, группу, состоящую из ученых, работающих в одной предметной или проблемной области, обладающих специализированной научной подготовкой, единых в понимании целей науки и обладающих способностью поддерживать устойчивые взаимодействия. Позитивистская социологическая модель науки и научного сообщества была впервые обоснована в рамках структурно-функционального анализа Р. Мертоном, предложившим трактовку науки как социального института, выполняющего специфические функции, важнейшей среди которых является производство достоверного знания [7]. Мертон обратил внимание на то, что основным механизмом, регулирующим профессиональную деятельность ученых, являются нормы. Для конкретизации последних Мертон ввел понятие «этнос науки» – аффективно окрашенный, но вместе с тем вполне рациональный комплекс универсальных корпоративных ценностей и норм, считающийся обязательным для человека науки и выражающихся в форме предписаний, запретов, предпочтений и разрешений. По существу, они представляют собой важнейшие институциональные ценности, поддерживаемые санкциями, формирующие научную совесть ученого. Речь идет о неписанных нравственных принципах исследовательской деятельности, которые Р. Мертон представил в виде четырех императивов: 1) универсализм: оценка любой научной идеи или гипотезы зависит только от её содержания и не зависит от таких факторов, как национальность или научный статус автора; 2) «коммунизм»: открытость результатов научных исследований для научного сообщества; 3) бескорыстность: исследователь не должен стремиться к получению какой-то личной выгоды, кроме удовлетворения от решения научной проблемы; 4) организованный скептицизм: учёные должны критично относиться как к собственным идеям, так и к идеям, выдвигаемым их коллегами [8, с. 770-781].

В соответствии с первой моделью, вхождение в научное сообщество связано с соблюдением спе-

цифических норм внутреннего социального контроля: чтобы получить признание внутри сообщества, его участники должны отграничить собственную нормативную сферу от других сфер и установить с другими учеными функциональную коммуникацию. Такое научное сообщество предстает в виде сложной системы взаимодействующих друг с другом коллективов, организаций и учреждений: по вертикали – от лабораторий и кафедр до государственных институтов и академий; по горизонтали – вся совокупность государственных организаций, общественных институтов, неформальных групп, не имеющих институционализированной структуры и административной регуляции (научные школы). Все они коммуникативно связаны как между собой, так и с другими подсистемами общества и государства (экономикой, образованием, политикой, культурой и др.).

Форма организации свободных научных коммуникаций между учеными вне рамок институциональных структур, представляющая собой, по существу, сеть личных контактов и процедур взаимного обмена информацией, Р. Мертон назвал «республикой ученых», «научной школой», а также, вслед за Д. Прайсом, «незримым колледжем» (*invisible college*). Члены этих «колледжей» составляют достаточно сплоченную, внутренне связанную социальную группу со своим лидером, они интенсивно общаются между собой, переписываются, обмениваются результатами исследований, собираются на семинары и конференции. «Незримый колледж» – это группа, «географически не связанных между собой людей, вовлеченных в подвижное сообщество рассматривают себя как референтную группу, чье мнение о своей работе для них весомо» [9, p. 180]. В «незримых колледжах» регулирование статусных позиций осуществляется на базе экспертной оценки, которой подвергаются публикации материалов исследования².

Таким образом, позитивистская (функционалистская) трактовка научного сообщества основана на признании его структурой, соотносимой с определенными функциональными требованиями (императивами) и ориентированной на производство «истинного знания». Его характеризуют коллективный характер производства знания, необхо-

² Фактически, до сих пор действуют мертоновские нормы: как правило, наибольшим приоритетом пользуются международные издания и конференции и признание на международном уровне ценится выше национального. Авторитет и признание квалификации учёного связаны с его известностью в узких кругах специалистов. Существуют попытки выстроить рейтинги по числу ссылок на работы ученых из работ других учёных (индекс цитированности). В качестве неформальных критериев оценки статуса ученых фигурирует и их вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов, признанием уровня и квалификации учёного является чтение лекций в самых престижных учебных заведениях.

димо включающий коммуникативные связи ученых – как личные, так и опосредованные. Социальная интеграция членов научного сообщества создается принятием ими согласованной системы норм и идеалов познавательной деятельности, оказывающих регулирующее по отношению к ним действие. Эти нормы воспринимаются членами сообщества и особенно его лидерами как необходимые условия групповой деятельности, и потому они постоянно воспроизводятся во времени и передаются от поколения к поколению.

В отличие от позитивистского анализа, сделавшего акцент на системно-структурных характеристиках научного сообщества, внутриинституциональных и социальных условиях, обеспечивающих в его рамках получение достоверного научного знания, постпозитивистская социология и философии науки сосредоточились на анализе структуры научного сообщества, его языкового выражения, его развития как революционного процесса, в ходе которого происходит пересмотр значительной части ранее признанного и обоснованного знания, теорий, фактов, методов, мировоззренческих и методологических принципов.

Одним из основателей постпозитивизма является М. Полани. В противовес позитивистам, отстаивавшим положение об объективности научного знания и его деперсонализированном характере, М. Полани утверждает, что абсолютная объективность представляет собой ложный идеал, поскольку любые умозаключения базируются на персональных суждениях. Знание – это активное постижение познаваемых вещей, действие, требующее особого искусства и особых инструментов. Поскольку науку делают люди, то получаемые в процессе научной деятельности знания (как и сам этот процесс) не могут быть деперсонифицированными. Полани тем самым развивает идею о необходимости включения в анализ процесса научного познания конструктивной роли субъекта познания. Он полагает, что «в каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей личности», и что эта добавка – не свидетельство несовершенства, но насущно необходимый элемент знания [10, с. 19].

Концепция науки М. Полани основана на выделении в структуре знания явных и неявных компонентов, каждый из которых обладает своей спецификой. Явные знания – это центральное знание, рациональный его компонент, формой выражения которого являются понятия, суждения, теории; оно имеет интерперсональный характер, то есть может передаваться без личных связей. Второе знание – «неявное», «неосознаваемое», вплетенное в теоретические навыки ученого, проявляющееся в его практической деятельности и передающееся только путем личных контактов. Поэтому он называет этот вид знания «личностным», оно оказывает непосредственное влияние на

теоретические и практические навыки ученых, их способность к воображению и творчеству.

М. Полани принадлежит заслуга введения в научный оборот понятия «научное сообщество» и выявления особой роли коммуникативных систем в обеспечении его нормального развития. Научное сообщество – особая форма организации свободных научных коммуникаций, обеспечивающих научную традицию. Приобщение к научному сообществу предполагает глубокую перестройку личности, готовность мыслить так, как это следует из рекомендаций научной элиты, авторитет которой в сознании субъекта непререкаем. Лидеры научных школ оказывают влияние на других членов данных школ, показывая образцы деятельности, которым могут подражать другие ученые: «Наблюдая учителя и стремясь превзойти его, ученик бессознательно осваивает нормы искусства, включая и те, которые неизвестны самому учителю» [10, с. 87]. Однако нормальное развитие науки связывается М. Полани с конфликтами между устоявшимися авторитетными позициями и изменениями, которые происходят в фундаментальных научных убеждениях. При этом обращается внимание на ошибочность позиции связывать прогресс науки с победой одного из соперничающих мнений, которое выдаст себя за истину в последней инстанции. Прогресс заключается не в движении к некоему универсальному, «безличному» знанию, а в увеличении возможностей личного соучастия в познавательных процессах, расширении систем образования и профессиональной исследовательской деятельности.

Общепризнан вклад в постпозитивистское осмысление феномена научного сообщества Т. Куна. Его концепция научного сообщества также основана на признании субъективного фактора науки. Научное сообщество, по Т. Куну, не является объединением исследователей, основанным на неких объективных (формальных) признаках – общей специальности, сходном образовании и профессиональных навыках, общем предмете исследования и т.п. Это – рациональный субъект научной деятельности, объединяющий ученых, разделяющих некую общую парадигму как совокупность фундаментальных теорий, законов, образцов решений проблем. В самом общем виде Кун определяет парадигму как «общность установок», опирающихся «на одни и те же правила и стандарты научной практики», как концептуальную схему, которая в течение определенного времени признается научным сообществом в качестве основы его практической деятельности [11, с. 29-30].

Позже Т. Кун делает попытку расширить понятие «парадигма» с помощью категории «дисциплинарная матрица» [11, с. 237]³. Наиболее важными компонентами последней являются, во-первых,

³ Ученый поясняет: «...„дисциплинарная“ потому, что она учитывает обычную принадлежность ученых-исследователей

«символические обобщения» – законы и основные определения научных понятий, выраженные в символической форме; во-вторых, «метафизические парадигмы» – общепризнанные предписания по формированию научной картины мира, задающей способ видения универсума; в-третьих, «ценности» – ценностные установки, влияющие на выбор направлений исследования; в-четвертых, «образцы» – «признанные примеры», способы постановки вопросов и процедур получения ответов, которые включают не только образцы решения «головоломок», но и образцы формулировки нерешенных проблем [см.: 11, с. 238-242].

Как видим, сложность структуры самой дисциплинарной матрицы связана, по Куну, не только с включением в ее состав разнородных элементов (символических обобщений, парадигм, ценностей); она предполагает и особые коммуникации между ними, которые поддерживаются субъектами действиями по «образцу». Куновская расшифровка структуры дисциплинарной матрицы содержит явные указания на важность учета субъективных аспектов реальной практики внутринаучных отношений, понимания смыслов, вкладываемых самими учеными в свою деятельность.

«Дисциплинарная матрица» таким образом становится моделью / исследовательской программой научного сообщества, предполагающей специфический набор теоретико-методологических, исследовательских характеристик, включая необходимое оборудование и организацию. Развитие науки Кун представляет как скачкообразный, революционный процесс, сущность которого выражается в смене парадигм. Развитие научного сообщества какой-то период идет в рамках данной парадигмы: происходит накопление эмпирического материала, обработка данных, совершенствование методики исследований и т.д. Этот период развития знания Кун назвал нормальной наукой. Но постепенно возникают причины для сомнения в ясности, очевидности и обоснованности общепринятых теоретических положений. Парадигма как привычный стиль мышления расшатывается, и на каком-то этапе наступает кризис основных исходных понятий в данном научном сообществе. Этот кризис вызревает в содержательной стороне развития науки (несоответствие новых методик старым), а также в волевых факторах, связанных с утратой доверия к исходным принципам действующей парадигмы со стороны значительной части научного сообщества. Тем самым Кун обращает внимание на то, что не столько внутринаучные факторы определяют смену парадигм, сколько социально-психологические обстоятельства. Поскольку парадигмы находятся в состоянии конкуренции,

к определенной дисциплине; “матрица” – потому, что она составлена из упорядоченных элементов различного рода...» [11, с. 238-239].

борьбы друг с другом, то это налагает определенные обязательства на каждого ученого: он должен принимать участие в конкурентной борьбе, которая ведется вокруг его парадигмы, и находиться под принуждающим воздействием своей дисциплинарной матрицы.

Итак, по Куну, парадигма (или институциональная матрица) выступает основным условием вхождения индивида в научное сообщество, членство в нем обеспечивается его готовностью принимать в качестве неоспоримой истины господствующую парадигму.

Постнеклассическое репрезентация феномена научного сообщества, на наш взгляд, может быть обеспечена применением структуралистской и постструктуралистской концепций дискурса, в рамках которых последний интерпретируется как семиотический процесс, реализующийся в различных видах вербально-коммуникативных практик, как рефлексивная речевая коммуникация, предполагающая самоценную процессуальность проговаривания всех значимых для участников коммуникации ее аспектов.

Для понимания эволюции научного сообщества ценной является идея Ю. Хабермаса о необходимости смены типа рациональности современного общества – осуществления перехода от *целевой рациональности к рациональности, основанной на взаимопонимании*. Если идеалом первой является утверждение тотально автоматизированной социальной организации как результата научно-технического прогресса, то второй – увеличение публичной рефлексии, которая приведет к возникновению новых форм социальной интеграции. Как при этом меняется роль научного сообщества? Оно, считает Ю. Хабермас, должно не претендовать более на роль открывателя абсолютной истины, а способствовать актуализации потенциала рациональности, заложенного в коммуникативном действии. При этом научному сообществу не следует навязывать ложного согласия, как это было характерно для классического этапа его развития. Рациональный консенсус достигается посредством дискурса – диалогически равноправной процедуры аргументации. В новом типе рациональности разумным считается уже не объективный порядок вещей, а разрешение проблем [12].

Таким образом, Ю. Хабермас отстаивает идеи коммуникативного равноправия ученых и публики, стирания границ между научным сообществом и обывателями. С его точки зрения, «профаны» вправе самостоятельно определять, что именно является для них значимым и что есть знание как таковое. Научное сообщество более не может определять содержание консенсуса; его удел – курировать формальную сторону коммуникативных практик, в режиме свободного и непрерывного диалога систематически отслеживать нарушения коммуникации. Коммуникация выступает средством достижения валидного знания, что является в свою очередь ос-

новой взаимопонимания, оптимального решения важнейших социальных вопросов. «Свободные ассоциации» – к ним относятся и научные сообщества, целью которых является открытие для общества значимых тем, – должны вступать в диалог с публикой для выработки наилучших решений, что и обеспечит развитие современного общества. Таков подход Ю. Хабермаса к пониманию изменившейся роли научного сообщества, главное назначение которого видится им в конструирование системы свободных от принуждения коммуникаций, ориентированных на обеспечение социальной солидарности. Научное сообщество не обладает привилегированным статусом эксперта, его задача – способствовать актуализации потенциала рациональности, заложенного в коммуникативном действии.

В рамках социального конструкционизма П. Бергера и Т. Лукмана была разработана феноменологическая версия науки, противопоставленная всей предшествующей социологии знания, предметом которой было теоретическое знание. Последнее, полагают авторы, не только не исчерпывает всего запаса знания, но и играет далеко не главную роль в обществе. «Ядром» социологии знания у П. Бергера и Т. Лукмана поэтому становится обыденное, дотеретическое знание, которым человек оперирует в своей повседневной жизни.

В качестве фундаментального социологического факта в социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана выступает идея о том, что реальность является социально определяемой, и что именно научное сообщество играет большую роль в ее конструировании [13, с. 196]. Они первыми стали рассматривать ученых в качестве особой социальной группы, занимающейся определением социальной реальности. Именно ученые претендуют «на новый статус», но не на «всеведение», они осуществляют экспертизу относительно конечных определений реальности как таковой [13, с. 191].

П. Бергер и Т. Лукман указывают на противоречие, которое возникает между экспертами-теоретиками и практиками; особое раздражение практиков вызывают притязания экспертов на то, что они лучше знают конечное значение деятельности практиков, чем сами практики. «Такой бунт со стороны “профанов”, – констатируют авторы, – может вести к появлению соперничающих определений реальности, а иной раз и к возникновению новых экспертов с новыми определениями» [13, с. 193]. Кроме того, Бергер и Лукман отмечают, что нередки конфликты среди самих ученых как отражение конкуренции между различными научными теориями, по-разному определяющими социальную реальность. Эти конфликты часто разрешаются с помощью силовых подкреплений, отдельные группы экспертов побуждают «правителей» использовать военную мощь для навязывания собственных аргументов

своим соперникам. Соперничающие определения реальности, таким образом, получают свое разрешение в сфере соперничающих социальных интересов. На исторических примерах Бергер и Лукман показывают, что в обществе всегда осуществлялась монополистическая традиция в деле экспертизы, и определенная группа «экспертов-администраторов» – так они называют научное сообщество – поддерживалась унифицированной структурой власти. А все потенциальные конкурирующие научные сообщества со своими определениями реальности сразу же подвергались либо ликвидации по мере своего появления, либо интеграции в саму традицию.

Для современного плюралистического общества ученые видят выход в появлении нового типа научного сообщества, состоящего из интеллектуалов. Интеллектуал – это тип эксперта, экспертиза которого не является желательной для общества в целом. Это маргинальный тип эксперта, социальная маргинальность которого выражает отсутствующую теоретическую интеграцию в универсум его общества. В отличие от «официального эксперта», интеллектуал выступает «контр-экспертом» в деле определения реальности. Ученые дают следующую расшифровку позиции «маргинального» эксперта: он так же, как и «официальный эксперт», разрабатывает проект общества в целом. «Но если первый делает это в соответствии с институциональными программами и его проект служит их теоретической легитимации, то проект интеллектуалов существует в институциональном вакууме, его социальная объективация в лучшем случае происходит в подобществе таких же интеллектуалов» [13, с. 205]. Поэтому защитить и отстоять свои определения реальности маргинальные эксперты могут, объединившись со своими единомышленниками в научное сообщество. На этой основе и может произойти объективация осмысленных определений реальности.

Другой образ научного сообщества представлен в постмодернистских репрезентациях, согласно которым оно представляет собой искусственный конструкт, формирующий отношения, нормы и модели поведения в качестве «естественных» и «объективных». Одна из известных подобных версий принадлежит М. Фуко, который утверждает, что «знание», добываемое наукой, является относительным и поэтому сомнительным, с точки зрения «всеобщей истины». Но оно навязывается сознанию человека в качестве «неоспоримого авторитета», заставляющего и побуждающего его мыслить уже заранее готовыми понятиями и представлениями. Научное сообщество в этой трактовке выступает социальным конструктом, созданным и используемым для защиты и поддержания существующих институтов власти и доминирования.

М. Фуко указывает на принципиальное различие позиции ученого в рамках классической и постне-

классической традиций: в первой он является «немного сознанием всех», «выступает... индивидуализированной фигурой... самой универсальности». В пространстве же постнеклассической культуры «между теорией и практикой установился новый способ связи»: ученый не только не работает более «в сфере универсального, выступающего образцом справедливого и истинного для всех», но и является «разрушителем очевидностей и универсальностей». В рамках культуры постмодерна «роль ученого состоит не в том, чтобы говорить другим, что им делать..., не в том, чтобы формировать политическую волю других, а в том, чтобы с помощью анализа, который он производит в своих областях, заново вопрошать очевидности и постулаты...» [14, с. 390]. Идеал научного сообщества для Фуко – противостоять современной ему эпистеме, осуществлять ее деконструкцию, указывать на слабые места – на изъяны общепринятой аргументации, призванной укрепить власть господствующих авторитетов и традиций [15, с. 107].

Другой французский постструктуралист, Л. Пэнто, полагает, что научного сообщества как целостного феномена вообще не существует и что следует различать в его структуре «государственных экспертов» и «чистых теоретиков» – университетских ученых. Он рассматривает пространство научных позиций как поле борьбы двух «типов капитала», один из которых он называет временным или светским (политического и административного порядка), а другой – духовным (культурный, научный капитал). Первые представляют собой интеллектуалов от государства, обладателей институционального авторитета, «легитимность которых основана на политической и административной власти, чью проблематику они формулируют в научных терминах», другие – это ученые, обладающие прежде всего научным авторитетом. В отличие от обладателей научного капитала интеллектуалы от государства не могут похвастаться интеллектуальным авторитетом. Они посвящают свое время выполнению управленческих функций на «благо исследований, либо они занимаются чистой институциональной репродукцией (участие в диссертационных советах, аттестационных комиссиях, жюри конкурсов и т.д.)» [16, с. 60-61]. Другой аспект, по Л. Пэнто, – это отношения зависимости, которые складываются между государственным спросом (заказом) и научной работой. Государство в лице администраторов от науки конструирует поле научных проблем: администраторы решают, какие научные проблемы получают государственное финансирование, а какие так и не будут удостоены внимания. Это приводит к своеобразному оформлению границ научного сообщества: для решения избранных научных проблем идет отбор ученых, критерием которого выступает степень их знакомства с государственной проблематикой [16, с. 74].

Еще большую заостренность проблема изменения роли научного сообщества получила в концепции теоретика «общества риска» У. Бека, указавшего на то, что институт экспертов превращается в политически ангажированное научное сообщество, определяющее уровень социально-приемлемого риска для общества. Проблема состоит, по У. Беку, в том, что эксперты систематически скрывают или искажают информацию о рисках, к тому же борьба между различными научными сообществами затрудняет оценку истинного состояния среды обитания и поиск адекватных решений. В результате наука как социальный институт разделяется на две: академическую или лабораторную науку и науку опыта, которая, основываясь на публичных дискуссиях и жизненном опыте, «раскрывает истинные цели и средства, угрозы и последствия происходящего». Бек предлагает признать эту «опытную науку» в качестве альтернативы экспертному знанию, придать ей статус легитимного института знаний, нового типа научного сообщества, уполномоченного принимать решения [17, р. 15].

Не менее ценна для понимания образа научного сообщества репрезентация П. Бурдьё, представленная им в его трудах по теории капиталов. Капиталы трактуются ученым как ресурс; в качестве их основных форм выделяются три группы капиталов – экономический, культурный (символический), социальный (в рамках которого находится научный капитал). В свою очередь, на базе характеристик социального капитала Бурдьё выводит сущность научного сообщества как совокупности «реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания» [18, с. 519]. Более того, научное сообщество («научное поле») – «символическая реальность, это арена борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как социальная власть, как социально признанная за определенным индивидом (группой) способность легитимно говорить и действовать от имени науки» [19, с. 16].

П. Бурдьё подчеркивает необходимость разрыва с примиренческим образом «научного сообщества», с представлением о нем, как о «своего рода “царстве целей”», которое «будто бы не признает иных законов, кроме закона чистой и абсолютной борьбы идей, безошибочно направляемой внутренней силой истинной идеи» [19, с. 16]. Само функционирование научного сообщества, по П. Бурдьё, «производит и предполагает специфическую форму интереса». Эти интересы могут состоять из интереса исследователя, а также интересов других субъектов и групп [19, с. 18]. П. Бурдьё обнаруживает тесную связь научного сообщества (поля науки) с политикой, подчеркивает, что «поле науки» является местом

политической борьбы за научное доминирование. Поэтому научное сообщество предписывает каждому исследователю, в зависимости от занимаемой им позиции, соответствующие научные и, одновременно, политические проблемы, а также методы их изучения – «те самые научные, которые являются и политическими стратегиями». Такой подход позволяет рассматривать научное сообщество как институт борьбы за «формирование общественного сознания на символическом уровне или, точнее, за состязание за монопольное право обозначать новые объекты или переименовывать существующие». В этой борьбе субъекты используют «приобретенный в предшествующей борьбе и гарантированный законом символический капитал» [20, с. 146-147]. То научное сообщество, которое имеет более мощный культурный капитал, оказывает большее влияние на конструирование реальности.

Эвристическая ценность концепции П. Бурдьё состоит в том, что она позволяет обосновать субъективно-объективную природу научного сообщества как части социальной реальности. В терминах П. Бурдьё, научное сообщество структурировано дважды. Во-первых, существует первичное или объективное структурирование социальными отношениями. Эти отношения опредмечены в распределениях разнообразных ресурсов (выступающих структурами господства – капиталами) как материального, так и нематериального характера. Во-вторых, научное сообщество «структурировано представлениями его членов об этих отношениях, которые оказывают обратное воздействие на первичное структурирование. Указанная диалектика отражает процесс интериоризации / экстериоризации, связывающий объективные и субъективные (инкорпорированные) структуры научного сообщества» [21, с. 114].

Итак, в различных версиях методологии и социологии науки утвердилось понимание науки не как системы знания, а прежде всего как деятельности научных сообществ. В такой постановке проблемы утрачивают свою силу претензии на особую нормативность и логико-методологическую суверенность научного знания, которое ставится в зависимость от доминирующего способа деятельности научного сообщества, от господствующих дисциплинарных матриц и парадигм. Важнейшим итогом развития методологии науки стало признание особой роли коммуникативных систем в его функционировании. Научное сообщество – коллективный субъект познания, обеспечиваемого посредством развитой системы коммуникации, оно дает согласованную оценку результатов познавательной деятельности, создает и поддерживает систему внутренних норм и идеалов – так называемый этос науки, знания.

Изменение представлений об онтологическом статусе научного сообщества связано с развитием

неклассического и постнеклассического социального знания, представленного различными версиями субъективных, интерпретативных, структуралистских, постструктуралистских, конструктивистских подходов, в рамках которых обосновывается идея о роли научного сообщества в социальном определении реальности, его ангажированности, трансформации в субъективную и символическую реальность, в которой ключевой фигурой становится не независимый ученый, а эксперт, находящийся на содержании либо у государства, либо частных структур.

Литература:

1. Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 1999. – Вып. 1. – С. 250-265.
2. Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX-XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). – Омск; Екатеринбург: Омск. гос. ун-т; Изд-во Уральск. ун-та, 2000. – 226 с.
3. Корзун В.П., Рыженко В.Г. Поиски нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве // Мир Клио. Сб. статей в честь Л.П. Репиной. Т. 2. – М.: ИВИ РАН, 2007. – С. 266-278.
4. Мазурина О.А. Научное сообщество в контексте социокультурной динамики: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. – Томск, 2008. – 165 с.
5. Батайкина С.В., Бурганова Л.А. Имидж государственной службы как социальный конструкт. – Екатеринбург, 2013. – 164 с.
6. Куликов С.Б. Образы науки как символы трансформации смысла и идеи науки // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. – 2016. – № 2. – С. 27-30.
7. Merton R.K. The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations. – N.Y.: Free Press, 1973. – 605 p.

8. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. – 880 с.
9. Merton R.K. Reference Group, Invisible colleges, and deviant behavior in Science // *Surveying Social Life* / Ed. by Hubert J. O. Gorman, Middletown. – Connecticut: Wesleyan University Press, 1998. – P. 174-189.
10. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / Под ред. В.А. Лекторского, В.А. Аршинова; пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. – М., 1985. – 344 с.
11. Кун Т. Структура научных революций. Пер. с англ. И.З. Налетова. Общ. Ред. и послесловие С.Р. Микулинского и Л.А. Маркова. – М.: Изд-во «Прогресс», 1977. – 302 с.
12. Habermas J. *The Structural Transformation of Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1991. – 305 p.
13. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Изд-во «Медум», 1995. – 323 с.
14. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
15. Ильин И.П. Постмодернизм: словарь терминов. – М.: Интрада, 2001. – 376 с.
16. Пэнто Л. Государство и социальные науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. – М.: Практикс; Институт экспериментальной социологии, 2005. – С. 57-78. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/1365331>
17. Beck U. *Ecological Enlightenment. Essays on the Politics of the Risk Society*. – New Jersey: Humanities Press, 1995. – 316 p.
18. Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; Пер. М.С. Добряковой и др. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 655 с.
19. Бурдьё П. Поле науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. – М.: Практикс; Институт экспериментальной социологии, 2005. – С. 15-56.
20. Бурдьё П. Социология политики / Пер. с франц.; Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
21. Шматко Н.А. Анализ культурного производства Пьера Бурдьё // Социологические исследования. – 2003. – № 8. – С. 113-120.

The Image of the Scientific Community: the Evolution of Methodological Representations

L.A. Burganova

Kazan National Research Technological University

G.P. Myagkov

Kazan (Volga Region) Federal University

The article analyzes the main stages of the evolution of the scientific community explanatory models in the intellectual space of modernity and postmodernity. The specificity of the three main methodological representations of the scientific image is revealed: classical (positivism), nonclassical (postpositivism) and post-nonclassical (structuralism, poststructuralism).

It is substantiated that within the framework of positivist analysis, emphasis was placed on the system-structural characteristics of the scientific community, and institutional and social conditions that ensure the production of reliable scientific knowledge. Post-positivist sociology and philosophy of science focused on analyzing the communicative specifics of the community, expressing its development as a revolutionary process of changing paradigms. The post-nonclassical image of the scientific community reflects such properties of this phenomenon as its engagement, transformation into subjective and symbolic reality, and the ability to construct reality.

Key words: scientific community, philosophy and sociology of science, ethos of science, positivism, postpositivism, structuralism, poststructuralism, "invisible college", "explicit" and "implicit" knowledge, "personal knowledge", paradigm, disciplinary matrix, communicative systems, scientific community as a social construct, scientific capital, field of science, R. Merton, M. Polanyi, T. Kuhn, J. Habermas, P. Berger, T. Luckmann, M. Foucault, L. Pinto, W. Beck, P. Bourdieu.